

УДК 811.133.1'373.231 + 811.133.1'282 +
+ 801.81:398.3 + 801.81:398.9 + 81:39

Д. В. Спиридонов

К ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИМЕНИ ЖАК ВО ФРАНЦУЗСКИХ ДИАЛЕКТАХ*

К л ю ч е в ы е с л о в а: диалекты французского языка, фольклор, антропоним, *Жак*, этнолингвистика, коннотативная семантика имени, апеллятивизация имени собственного, паронимическая аттракция, морфосемантическое поле.

Статья посвящена анализу периферии коннотативной семантики французского имени *Жак* (*Jacques*), возникающей в результате этимологически и фонетически немотивированного совпадения формы имени с диалектным апеллятивом *jac*, называющим различных птиц. В ходе анализа выявляется состав морфосемантического поля *jac*, реконструируются коннотации, «наводимые» входящими в него лексемами. Бытование исследуемого имени в фольклоре позволяет установить параллели между семантикой имени и этнокультурной семантикой названий некоторых птиц, благодаря чему выявляется еще один уровень коннотативных значений имени, связанный с реализацией оппозиции «мужское — женское» в его семантике. Делается вывод о диахронической и диатопической релевантности данного компонента коннотативной семантики онима.

Коннотативная семантика имени собственного (ИС) может быть верифицирована разными путями. По сути, коннотация проявляет себя при любом семан-

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке госконтракта П № 736 от 12.08.2009 на проведение НИР в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (тема «Время и человек в свете ономастической и отономастической номинации»). Автор выражает благодарность Е. Л. Березович, Т. С. Кузнецовой и Л. А. Феоктистовой за неоценимую помощь в работе над статьей.

© Спиридонов Д. В., 2011

тическом «смещении» онима (будь то переход имени из одного класса онимов в другой, образование апеллятивных производных, вхождение онима в устойчивые фразеологические сочетания и т. п.). Регистрация такого «смещения» позволяет увидеть неявные компоненты семантики имени, а его регулярный характер указывает на устойчивость соответствующих семантических компонентов¹.

В наиболее типичной ситуации формирование коннотации у ИС связано с появлением у него сигнификата, благодаря чему возможно возникновение омонимичного по отношению к собственному имени нарицательного (ИН), через семантику которого восстанавливается коннотативный компонент семантики ИС (при этом последний рассматривается обычно как мотивационная основа для образования соответствующей апеллятивной пары). В этом случае «слово-носитель коннотации и слово-верификатор оказываются на разных полюсах оппозиции «единственности, уникальности — включенности в класс» — и грань между ними более резко ощущается языковым сознанием, чем в случае их однородности по этому параметру. К примеру, хотя личное имя *Дуня* (*Дунька*) функционирует параллельно апеллятиву *дунька* ‘некультурная, малообразованная женщина (обычно провинциалка), простушка’, а перечисленный букет признаков может определять ироничное отношение к имени *Дуня*, взятому вне контекста, — в реальной коммуникативной ситуации, где участвует конкретный носитель имени <...>, коннотации, как правило, забываются и не влияют на познание свойств объекта» [Березович, 63].

В этимолого-мотивационном аспекте образование такой апеллятивной пары у ИС, очевидно, может происходить разными способами. Не претендуя на полноту и безупречность описания, представим перечень таких способов в самом общем приближении.

1. Собственно апеллятивизация — т. е. мотивированный переход ИС в ряд ИН, при котором коннотативное значение проприального мотиватора определяет сигнификативное значение апеллятивного деривата: рус. *Дунька* → *дунька* ‘простушка’, фр. *Jean* (Жан) → *jean* ‘недалекий, наивный человек, простак’².

2. Притяжение близких фонетически, но не связанных этимологически ИС и ИН, при котором ИС или его производным «навязывается» семантика созвучного ИН. Так, в нормандском диалекте французского языка фиксируется лексема *guillaume* ‘сопли, вызванные использованием нюхательного табака’, которая создана при притяжении имени *Guillaume* к норм. глаголу *guiler* ‘течь с силой, исторгаться, идти (о ливне)’ [Moisy, 341]. Другой пример — сэнтонж. *bernard*, *b'rnard* ‘задница’ (< *Bernard*), где появление апеллятивного значения у онима

¹ Способы верификации коннотативной семантики имени собственного подробно обсуждаются в [Березович, 62–67].

² О неоднозначности термина *апеллятивизация* см. [Толстая]; семантическая динамика, связанная с процессом апеллятивизации, рассматривается в [Феоктистова].

обусловлено аттракцией к созвучным словам, обозначающим фекалии, отходы и проч.³ Таким образом, значение апеллятивного омонима имени (возникшего в результате деонимизации) выводится здесь не из коннотативной семантики ИС, а из значения ИН, участвующего в процессах аттракции. При этом фонетическое притяжение обычно приводит к появлению у онима соответствующих коннотаций.

3. Скрещивание форм этимологически не связанных между собой ИС и ИН. В качестве примера приведем фр. *ajonc* ‘колючее растение утесник, *Ulex Europaeus* L.’, которое в северофранцузских диалектах имеет вариант *jan* ‘то же’ [TLFi], по форме совпадающий с антропонимом *Jean* (Жан), что приводит к их скрещиванию (ср. анж. *Jean Dépeigne* (лохматый Жан) ‘утесник’ = *jan d'épine* (колючий утесник) [Verrier, Onillon, I, 499]). Отличительной особенностью таких случаев является то, что омонимия является здесь не вторичной ситуацией, связанной с развитием апеллятивного значения у ИС, а первичной. Таким образом, наличие у ИС апеллятивного омонима не мотивируется никакими признаками — формальными и семантическими — имени собственного, а является в целом случайным.

В данной работе будет рассматриваться один из случаев развития коннотативной семантики ИС под влиянием немотивированного совпадения форм ИС и ИН.

Как нам представляется, «немотивированность» такой связи определяет особый характер апеллятивного «верификатора» коннотативной семантики онима. Во-первых, при немотивированном совпадении форм актуализация связи «ИС — ИН» является менее системной и реализуется лишь при определенных (порой также относительно случайных) условиях. В силу меньшей системности, обуславливаемые этой связью компоненты коннотативного значения онима должны быть отнесены скорее на периферию его коннотативной семантики. Во-вторых, возникающие в результате актуализации этой связи коннотации носят апостериорный характер (т. е. являются следствием, а не предпосылкой деонимизации) — в силу этого омонимия, как можно предполагать, приводит к образованию своего рода мотивационного вакуума, который создает почву для возникновения «мифологических» мотивационных моделей, помогающих связать ИС с семантическим полем, в которое вовлечены соответствующие нарицательные паронимы. В свою очередь, выявление этой «мифологической» мотивации может потребовать обращения не столько к языковому (слово), сколько к речевым (текст) и даже обрядово-ритуальным явлениям⁴. Другая трудность связана с тем, что при обра-

³ Ср. тур., сарт. *bernée* ‘смесь из отрубей на корм животным’ [Brachet, 90], анж. *bermons* ‘грязный’, *bernouser* ‘пачкать’ [Verrier, Onillon, I, 92], норм. *berneux* ‘пачкать фекальными массами’ [Moisy, 65], пикард. *berneu* ‘грязный’, *bernifiquer* ‘бросать в фекальные массы’ [Ledieu, 1843, 19], оверн. *barui* ‘грязный (о лице)’ [Dauzat, 41], которые восходят к кельт. *brenn* ‘отруби, опилки’.

⁴ Ср. в связи с этим анализ фактов народной этимологии и теоретические рассуждения в [Толстой, Толстая, 1995].

щении к апеллятивным коррелятам в некоторых случаях мы будем наталкиваться на целую серию этимологически и паронимически связанных лексем, которые образуют сложное морфосемантическое поле (термин П. Гиро) с подвижными и часто проницаемыми границами. Выявление продуцируемых этим полем коннотаций требует установления лексического состава поля (что непросто — в силу нерелевантности этимологического и относительности фонетического и семантического критериев), а также определения соответствующей «компаративной основы» — как на языковом, так и на внеязыковом (этнокультурном) уровне⁵.

В данной статье речь пойдет об одном из периферийных компонентов коннотативной семантики французского антропонима *Jacques* (< нар.-лат. *Jacobus*).

В культурном сознании носителей французского языка образ Жака складывается главным образом из двух характеристик, образующих центральную зону его коннотативной семантики. Эти характеристики проявляются в значениях апеллятивных дериватов имени, которые в наибольшей степени закреплены в узусе:

О л у х, д у р а к: *faire le Jacques* ‘прикидываться дурачком, валять дурака’, *Jacques de père* ‘дурак отец’ и т. п. [TLFi] (появление пейоративного деонима датируется XIV в.).

К р е с т ь я н и н, п р о с т о л ю д и н: *Jacques Bonhomme* ‘Жак-добряк, крестьянин’. В этом значении *Jacques* вошел в историю благодаря народному восстанию, получившему название *Жакерия* [TLFi].

Однако нас будет интересовать другая группа деонимов. Дело в том, что имя *Jacques* связано с целой группой нарицательных существительных с «птичьей» семантикой, самое известное из которых, *Jacquot*, впервые зафиксировано в работе Бюффона «Естественная история птиц» в значении ‘серый попугай’: «Этот вид сегодня все чаще завозится в Европу, где его любят более всего за мягкость нрава, а также за талант и за покорность, в каковых он ничем не уступает зеленому попугаю, будучи лишен при этом неприятных криков оного». Название птицы не было придумано Бюффоном. Он замечает: «Слово *Jaco*, кажущееся весьма приятным на слух, есть имя, которое дают ему по обыкновению (*le nom qu’ordinairement on lui donne*)» [Buffon, 100]. Тот факт, что серого попугая в середине XVIII в. называли именем, производным от *Jacques*, несомненно, объясняется не только стремлением дать попугаю характеристику, по-русски выражаемую емким сочетанием «Попка — дурак», но и большим количеством «птичьих» ассоциаций, которыми это имя обросло в народной культуре благодаря совпадению *Jacques* и диал. *jac* ‘петух, гусь, сойка, сорока, дрозд, ворон’ [ALF, 235]. Предмет нашего анализа — коннотации имени *Jacques*, ставшие следствием этого совпадения.

⁵ Примеры анализа морфосемантического поля при реконструкции коннотативной семантики онима см. в [Березович, 518–551; Родионова].

В лингвогенетическом плане *jac* не является дериватом онима и закономерно восходит к нар.-лат. *gaccus (= лат. *gaius*) ‘сойка’. Более того, широкая семантика нарицательного *jac* и, по-видимому, звукоподражательный характер его этимона дают возможность видеть в нем элемент сложного морфосемантического поля, включающего в себя целую серию апеллятивов, которые в разной степени могут участвовать в формировании периферийных коннотативных значений ИС. Далее мы постараемся очертить границы этого поля и охарактеризовать тип отношений между его элементами. Для удобства разделим лексику данного поля на несколько групп.

(1) Прежде всего, это слова этимологического гнезда *gak, которое, помимо упомянутого *jak* ‘петух’, включает: лотар. *jaiques* ‘сойка’ [Adam, 16], шамп. *jacquot* ‘дрозд, ворон’ [Tarbé, 78], *jaso* ‘сорока’ [ALF, 235], фр. *jacasse* ‘сорока’, *jocasse* ‘деряба’, норм. *jaseur* ‘свиристель’ [Vasnier, 43]. Непосредственно к *gaius*, по всей видимости, восходит пикард. *gaille* ‘сойка, широко открытый рот’ [Corblet, 419]. Сюда же следует отнести фр. *geai* ‘сойка’, сантонж. *ajeasse* ‘сорока’ [Burgaud Des Marets, 3], шамп. *agache* ‘сорока’ (ср. в Лилле *rue des Sept-Agaches*) [Legrand, 17], норм. *agasse* ‘сорока, болтливая женщина’ [Duméril, 139] (ср. исп. *gaya*, ит. *gazza*, ит. диал. *gagia, gaggia, gaza* ‘сорока’), которые закономерно восходят к *gaja* — эта лексема женского рода встречается, в частности, в глоссарии Папия (1053 г., Ломбардия) как синоним *pica* ‘сорока’ (*gaius* при этом трактуется как синоним *picus* ‘дятел’), хотя возникла, по-видимому, несколько раньше [Thomas, 174] (А. Эрну и А. Мейе отмечают ее древний характер [Ernout, Meillet, 265]). Совпадение *Jacques* ⇔ *jac* также стимулирует вторичную номинацию, приводя к появлению собственно деонимов типа пикард. *jacques* ‘бахвал, фанфарон’ [Corblet, 452], в семантике которого угадываются «птичьи черты».

(2) В это же морфо-семантическое поле попадают лексемы, восходящие к лат. *gallus* ‘петух’, которое, очевидно, еще в римской латыни образовывало паронимическую пару с *gaius*. В свою очередь, нар.-лат. **gal-* дает во франц. диалектах *gal, jal, jau* ‘петух’ [ALF, 201, 235, 237; Rolland, 1]. Аттракция *gallus* ⇔ *gaius* объясняет, например, случаи семантического переноса типа оверн. *dzai* ‘петух’ [Sébillot, 1898, 41], восходящего, скорее всего, непосредственно к *gaius* ‘сойка’. Таким образом, в центре рассматриваемого морфо-семантического поля мы обнаруживаем лексику двух пересекающихся этимологических гнезд.

(3) Отдельную группу данного морфо-семантического поля составляют глаголы со значением ‘издавать животные звуки’, ‘говорить’. Для части из них возможно предполагать связь с *gak: фр. *jacasser* ‘стрекотать, говорить без умолку’ (откуда *jacasse* ‘болтливая женщина’ [Corblet, 452]), *cajoler* ‘кричать, как сорока или сойка’ (метатеза от *jacoler [Nigra, 518]); однако большинство имеет, вероятнее всего, ономатопоэтическую природу: *jaser* ‘болтать’ (от ср.-фр. *gaser* ‘щебетать’, употреблявшегося вплоть до начала XVI в. и сохранившегося

в нормандских и пикардских говорах), норм. *jaspiner* ‘болтать’, *jasiller* ‘щебетать, лепетать’, *gasouiller*, *gargouiller* (от ср.-фр. *jargoillier*) ‘щебетать’ [Vasnier, 43], норм. *agasser*, *egasser* [Duméril, 9], *jactonner* ‘бормотать’ [ALF, 235–236], франко-пров. *jaquiller*, *jaqueta(r)* ‘говорить без умолку’ [Puitspelu, 223], *jaboter* ‘щебетать’ [ALF, 235], шамп. *jape* ‘кудахтанье’ [Tarbé, 78], имеющее соответствия в швейц. *djappet*, *dzappet(ta)*, *dzappau*, *djappotta* [Bridel, 115]; ср. также ст.-фр. *gargote*, *gargaite* (пикард. *gargate* [Corblet, 422]), *jardel*, *jargel*, *gargole* ‘горло, глотка’ [DAF, 287, 322].

Звукоподражательный характер комплекса *ga-/ja-* не вызывает сомнения. Так, П. Себийо приводит овернскую присказку, в которой сорока говорит дрозду: «*Ja! ja! te vau gafa, gafa, gafa! Ha! Ha! Ha! je vais te mordre, mordre, mordre!*». Дрозд отвечает: «*Agasso! trasso d’agasso! trasso! trasso! meissanto pesso! gresso! rresso! rrrresso! Agace! espèce d’agacé! gueuse! gueuse! mauvaise pièce! gresse! rresse! rresse!*» [Sébillot, 1906, 177–178]. В Пюату птицы на птичьем дворе кричат: «*Jhal, jhal, jhal!*» [Там же, 227]⁶.

Несмотря на сложный, диффузный характер организации этого морфо-семантического поля, уже на данном этапе анализа оно дает достаточно возможностей для аппелятивной верификации соответствующей коннотативной семантики: в рамках этого поля *jac* этимологически и паронимически связан с другими наименованиями птиц, а также с глагольной лексикой, обозначающей

⁶ Укажем, что это звукоподражание обнаруживает параллели во многих индоевропейских языках, позволяющие гипотетически расширить географические и историко-этимологические границы рассматриваемого морфо-семантического поля. Приведем четыре группы таких параллелей. К е л ь т с к и е: *gar-yo ‘я кричу’, *gal-wo ‘я зову’ [Matasović, 150, 153], откуда соответственно: др.-ирл. *gair* ‘крик’, гэльск. *goir*, *gairm* ‘воплъ, крик’, брет. *garm* ‘крик’ (> норм. *germenter* ‘жаловаться, причитать’ [Duméril, 122]), брет. *galvaden* ‘призывный крик’, брет. *galiëin* ‘звать’, брет. *gāk* ‘заяк’, *gargaten* ‘глотка’ [Chalons, 38]; отсюда же наименования «кричащих» и «гогочущих» птиц: брет. *galdu* ‘турпан, лысуха, утка’, др.-ирл., гэльск. *gall* ‘лебедь’, гэльск. *agaid* ‘сорока’ [Forbes, 19]. Л а т и н с к и е: *gallina* ‘курица’, *gallus* ‘петух’, *garrire* ‘болтать, тараторить’, *gargarizare* ‘полоскать горло’ и т. п. [Дворецкий, 450–451], в латыни этот корень, по всей видимости, имел тенденцию вступать в аттракционное взаимодействие с именем собственным *Gaius* (Гай), омонимичным позднелат. *gaius* ‘сойка’ [Thomas, 177–178; Weekley, 445]. Г е р м а н с к и е: др.-исл. *kalla* ‘звать’, англ. *to call* (др.-англ. *ceallian*) ‘звать’, англ. *to cackle* ‘кудахтать, гоготать’, нем. *gackern* ‘кудахтать, клохтать’ и т. п.; в английском языке соответствующие коннотации «притягивает» *Jack* (ср. *jackdaw* ‘галка, сорока’), правда, эти коннотации существенно отличаются от французских [Weekley, 441]. С л а в я н с к и е: *gajъ (рус. *гай* ‘крик галок, шум’, др.-рус. *гаяти* ‘каркать’ и др.), **ga(jъ)vornъ* (рус., укр. *гайворон* ‘грач’, болг., макед., с.-х. *гавран* ‘ворон’, польск. *gawron* ‘грач’, которое в старопольском должно было вступать в отношения аттракции с антропонимом *Gawron*), *gaga (болг. *гaгa* ‘вид утки’, с.-х. *гaгa* ‘грач’, рус. *гaгa* ‘утка’), *gakati (болг. *гaкaтa* ‘гоготать, каркать’, диал. *гъкъм* ‘едва подавать голос’, макед. *гaкa* ‘гоготать (о гусях)’, с.-х. *гaкaтa* ‘каркать’), *galъ (болг. *гaл* ‘галка’, макед. диал. *гaл*, *гaлун* ‘ворон’), *golsъ (ст.-слав. *гласъ*, чеш. *hlas* ‘голос’ и др.) и т. д. [ЭССЯ, 6, 83, 85, 88–89, 219]. Относительно предполагаемой и.-е. этимологии этой ономатопеи см.: [ЭССЯ, 6, 220; Matasović, 150].

говорение, издавание животных звуков и, метафорически, болтовню, благодаря чему получают семантическое развитие названия птиц (ср.: *jacasse* ‘сорока’ > *jacasser* ‘стрекотать → говорить без умолку’ > *jacasse* ‘болтливая женщина’)⁷. Синонимические ряды, представленные формально близкой лексикой, позволяют говорить об относительной устойчивости и воспроизводимости (хотя и менее системной) этого компонента коннотативной семантики и в отношении онима *Jacques*.

Семантическое сближение онима с неродственным апеллятивным омонимом объяснить несложно. Ему способствуют, по-видимому, три условия. Во-первых, асемантичность ИС, создающая предпосылки для проявления внимания говорящего к формальной оболочке имени, благодаря чему «носитель языка реагирует на определенные звукокомплексы, которые экспрессивно оцениваются либо сами по себе, либо на основе аттракции к другим лексемам» [Березович, 63–64]. Во-вторых, сближение имени собственного и имени нарицательного — названия животного, приводящее к возникновению деонима, особенно вероятно при преобразовании слов с неясной внутренней формой (например, рус. диал. *нашка* ‘оленок’, связанное с манс. *пасыг*) [Гридина; Лысова, 19–20] — благодаря этому ономаσιологическому ходу происходит замещение стершейся внутренней формы исходного апеллятива категориальной семантикой онима. В-третьих, определенную роль играет частотность тех или иных номинативных переносов — в нашем случае продуктивность модели «имя человека → название птицы». Помимо указанных выше лат. *gaius*⁸ и англ. *jackdaw*, приведем в качестве примера русские диалектные слова: *федор белый* ‘крупная чайка’, *фомка* ‘особый род (*leotris*) чайки’, ‘большой приморский рыболов’, *иванчик* ‘птица рыболов’, *авдошка* ‘кулик, болотная птица’, *кузинька* ‘болотная птица’, *ванька, марья*, ‘лесная птица’, *авдотка, авдотька* ‘веретенник’, *анфутий* ‘филин’, *микита сокол* ‘сова’, *микишутка* ‘соловей’, *карповна* ‘серая ворона’, *нюрка*

⁷ Чтобы еще раз показать проницаемость границ морфо-семантического поля, отметим, что для развития семантики говорения существенной представляется фонетическая близость ядра поля к лексике, восходящей к лат. *jacere, jactare* ‘бросать, извергать’ → ‘непрестанно говорить, восхвалять’. Ср. серию диалектных глаголов: анж. *jacter* ‘разговаривать’ [Verrier, Onillon, II, 552], доф. *jaqueta* ‘непрестанно говорить’ [Puitspelu, 223], норм. *jacoter* ‘болтать’ [Moisy, 371], анж. *jagoter* ‘болтать’ [Dottin, 259], — которые образуют самостоятельное морфо-семантическое подполе. Все эти формы могут рассматриваться как варианты одного слова, образованного либо от онима *Jacques* путем прибавления итеративного суффикса (ср. *jacasser*), либо от формы антропонима *Jacquot* (в этом случае варианты свидетельствуют о редукции гласного в суффиксе антропонима-основы), либо от *jactare* (напротив, с прояснением гласного в основе, возможно, под влиянием *Jacquot*).

⁸ Для пары *Gaius* ‘Гай’ — *gaius* ‘сойка’ неясен вектор деривации: либо в силу стершейся связи, например, с *gallus*, обнаруживающим, по всей видимости, ту же звукоподражательную основу, произошел переход ИС → ИН, либо деривация носила обратный характер, и антропоним *Gaius* изначально служил прозвищем [Thomas, 177–178; Ernout, Meillet, 265].

‘птица ворон’, *онисим* ‘птица конюк’ и др. [Лысова, 21, 22, 55; Родионова, Феоктисова].

Возвращаясь к исследуемому морфо-семантическому полю, отметим, что существенным для формирования коннотативной семантики имени может оказаться тот факт, что мужским именем *Jacques* (в данном случае мы не берем в расчет дериваты) называют птиц как мужского, так и женского пола (см. выше)⁹. В лингвогенетическом плане это обстоятельство, по всей видимости, вновь следует объяснять диффузностью этимологических гнезд, в частности смешением форм, восходящих к *gaius* и *gaia*: такое смешение привело к появлению апеллятивов, совпадающих по форме с *Jacques* и обозначающих птиц как мужского, так и женского пола. Как следствие, можно предполагать, что в коннотативной семантике онима (разумеется, лишь в той мере, в которой коннотации имени наводятся «птичьей» лексикой рассматриваемого морфосемантического поля) должен был сформироваться признак «двуполости», а в культуре — соответствующий «мифологический» сюжет, который бы объяснял особенности такого функционирования имени.

Обсуждаемая коннотация может быть верифицирована на двух уровнях.

В системе антропонимических дериватов она проявляет себя в серии имен, употреблявшихся для обозначения лесных птиц. Даже в тех случаях, где имя *Jacques* маркировано как именование птицы именно мужского пола (а это возможно лишь за счет появления у нее пары женского пола), оно обнаруживает определенный «дефект». Так, в лионском фольклоре *Jacques* ‘сойка (un geai)’¹⁰, ‘ворон’ — персонаж мужского пола, парой которому выступает *Margot* ‘сорока’ (ср. англ. *Jack* и *Maggie*, рус. *Ванька* и *Марья*). Однако наряду с этими номинациями мы находим следующую серию имен, употреблявшихся для именованья сороки: бургунд. *Jaiquereaa*, *dame Jaicote* (ср. савойск. *Jacquette* [Nigra, 518]), *Aigaisse*, *Matagesse* [Mignard, 200–201]. Судя по этой серии производных, употребление имени *Margot* для обозначения сороки, вероятно, является результатом аттракции этого онима к «женским» дериватам имени *Jacques*, употребляемым в том же значении. Думается, что в этимолого-мотивационном плане этот факт может интерпретироваться двумя противоположными способами.

1. В паре «сойка — сорока» допустимо предполагать доминанту мужского имени, так что название сороки является производным от антропонимического

⁹ В отличие от грибов, деревьев или предметов быта, для именованья которых могут использоваться антропонимы, птицы обладают дифференциальным признаком пола, поэтому в данном случае выбор мужского или женского антропонима имеет значение. Можно предполагать также (и это существенно в контексте данной статьи), что этот признак должен быть более выражен у домашних птиц, чем у лесных.

¹⁰ Для дальнейших рассуждений важно иметь в виду, что сойка в русском языке женского рода, а во французском — мужского.

наименования сойки (ср. приводившееся выше именование сороки *dame Jaicote*, которое следует понимать как 'жена Жака'). Согласно этой интерпретации, наименования типа *jac* 'сорока' [ALF, 235] возникли на основе подобных антропонимических сочетаний и морфологических трансформаций онима *Jacques* (типа *Jaiquereaa*, *Jacquette*, *Jacasse*), т. е. являются вторичными (в этом случае *jac* 'сорока' и *Margot* 'сорока' правомерно рассматривать в качестве дублетов).

2. Именования типа *jac* 'сорока' предшествуют возникновению дериватов и сочетаний с тем же значением, последние же объясняются стремлением «феминизировать» форму лексемы, в частности, в тех случаях, когда последняя соотнолагается с *jac* 'сойка'.

Впрочем, независимо от «первичности» или «вторичности» номинации *jac* 'сорока' по отношению к дериватам и антропонимическим сочетаниям с тем же значением, существенно то, что в синхронии имя *Jacques* означает птиц и того, и другого пола. «Расподобление» Жака на мужскую и женскую «ипостаси» (*Жак* и *Марго*), направленное, как кажется, на закрепление за Жаком строго определенной («мужской») семантики, оказывается условным — на это указывают фольклорные данные.

В нашем случае факты фольклора позволяют установить соответствия между лексическими микросистемами, «генерируемыми» словами морфосемантического поля, которые участвуют в процессе аттракции, и микросистемами, создаваемыми их синонимами, обладающими тем же денотативным содержанием, но в силу формы не входящими в указанное поле и, следовательно, не включающимися непосредственно в ряд «притягиваемых» онимом апеллятивов. Эти соответствия образуют своего рода функциональную эквивалентность лексических парадигм, причем эта эквивалентность носит не обязательный, а контекстуальный характер. Тем не менее, регулярная воспроизводимость этих соответствий в определенных контекстах заслуживает нашего внимания. Так, во французском фольклоре обнаруживается устойчивый параллелизм пар: сойка и сорока (дикие птицы), петух и курица (домашние птицы), *Jacques* и *Margot*. Контекст, в котором чаще всего возникают эти фольклорные пары и в котором проявляется их эквивалентность, создается мотивом неправильных отношений в семье. Наиболее частые его проявления таковы: сорока (Марго) бьет сойку (Жака), курица поет, как петух (или громче петуха), петух несет яйца — во всех этих случаях нарушается патриархальный семейный уклад.

В представлениях о мире диких птиц такое нарушение связывается с неверно выбранным месяцем свадьбы. Наиболее несчастливым в этом смысле месяцем считается май. Так, в Берри, Франш-Конте, в Пиренеях распространено поверье, что в мае браки нежелательны: согласно народным представлениям, это месяц стариков, которым уже не покровительствует Венера. Это поверье восхо-

дит к очень давним временам, ср. лат. *Malum mense maio nubere*¹¹. Во Франции считалось, что браки, заключенные в мае, сопровождаются семейными неурядицами и изменами, оказываются бездетными, а рожденные в результате таких браков дети будут больными или слабоумными. В Лангедоке в середине XVIII в. еще живо было поверье, что брак в мае ведет к смерти [Gaidoz, 106–107]. Примечательно, что на севере Франции символическими «жертвами» майских браков в фольклорных текстах предстают сойки. В Эрсе (Верхняя Бретань) существует поговорка: *Dans les mariages du mois de mai la pie bat le geai* <В майских браках сорока бьет сойку> [Sébillot, 1886, 113]. Там же зафиксирована поговорка, согласно которой рожденные в мае сойки *chèvent du ma' cadu'* (т. е. страдают падучей болезнью, эпилепсией) [Там же, 186–187] — сойка и сорока выступают в данном случае субститутами мужчины и женщины, так как наравне с последними подвержены негативному влиянию майских браков, в этом смысле они противопоставляются, в частности, ослам (в некоторых регионах Франции и Италии считалось, что в мае нежелательно вступать в брак, ибо в этом месяце «женятся ослы») [Gaidoz, 106; Trébucq, 297]).

Более распространен фольклорный сюжет, персонажами которого выступают домашние птицы: петух, несущий яйца, и курица, поющая вместо петуха или как петух. Так, в Бретани о жене, которая верховодит в доме, говорят: *Quand la poule plus haut que le coq chante* <Когда курица поет громче петуха> [Sébillot, 1886, 143]. Ср. французскую поговорку: *La poule ne doit pas chanter avant (avec) le coq* <Курица не должна петь раньше петуха / с петухом>. Такая ситуация оценивается как неправильная, предвещающая беду дому или хозяину: *Poule qui chante le coq / Et coq qui pond, / C'est le diable dans la maison* <Курица, поющая петухом, и петух, несущий яйца, это дьявол в доме>; *Maison chétive est où la poule chante et le coq se tait* <Несчастен тот дом, в котором курица поет, а петух молчит> (Бретань) [Sébillot, 1886, 257–258]; *Quand le co a canté la glaine doit se taire* <Когда петух пропел, курица должна замолчать>; пикард. *Il ne feut poënt que chès glaines cantent plus heu que chés cos* <Нельзя, чтобы курицы пели громче, чем петухи> (Пикардия); оксит. *Le meineage vai mal quand la poula chantan may que le ja* <Хозяйство идет плохо, когда курицы поют больше петуха> (Прибрежные

¹¹ Вероятно, это поверье также может быть объяснено народной этимологией, паронимически связывающей *malus* 'плохой' и *maius* 'май'. Ср. аналогичную русскую поговорку, согласно которой жениться в мае значит «всю жизнь маяться». Аналогичное поверье распространено также в Германии, Англии, Италии, Румынии — данные собраны в работе [Gaidoz]. Ее автор предполагал, что поверье является римским и связано с майскими «лемуриями» — временем, когда мертвые (*lemures*) возрождались к жизни и возвращались в дома своих потомков; чтобы избавиться от них и помешать им забрать души кого-либо из живых людей, 9, 11 и 13 мая совершались специальные ночные обряды. В некоторых европейских странах сходный обряд проделывали в ночь на 1 мая (отметим, что во Франции на 1 мая также приходился день св. Жака, первый из двух в народном календаре).

Альпы); *Ocoio bo mal — quond lo galino fo lou gal* <Тогда дела идут плохо, когда курица поет петухом> (Руэрг) [Rolland, 44]; *Trista es la majoun doun la gallina canta e lou gal sta au cautoun — Sét à dire, coura la frema coumanda lou marit* <Грустно в том доме, где курица поет, а петух стоит в углу, т. е. когда жена помыкает мужем> (Ницца)¹².

В некоторых поговорках образ курицы, поющей петухом, или петуха, несущего яйца, обнаруживает параллель с образом свистящей девушки (тем самым она нарушает «гендерный порядок» и призывает дьявола): *Fille qui suble, / Coq qui pond, / A la maison tout y fond* <[Когда] девушка свистит, а петух несет яйца, все в доме рушится>; *Fille qui sub 'e, / Vache qui bugu, / La poule qui chante le co', / Ces trois animaux sur la terre de trop* <Свистящая девушка, пасущая [стадо] корова, поющая петухом курица — эти три животных на земле лишние> [Sébillot, 1886, 316]; *Prêtre qui danse, / Poule qui chante, / Fille qui siffle, Portent malchance...* <Танцующий священник, поющая курица, свистящая девушка несут несчастье> [Sauve, 21].

Связь между курицей, кричащей петухом, петухом, несущим яйца, и майским браком соек просматривается также в сходстве прогностической символики, ср.: «Если курицы поют петухом, они предвещают смерть своего хозяина» (Бос) [Chariseau, 162]; «Нет ничего более зловещего, чем крик курицы, поющей *jaulon* (т. е. поющей петухом). Ее нужно сразу же убить, если не хотите подвергнуть себя несчастью, в том числе смерти. Эта курица снесет *cocatru* (по-народному 'петушиное яйцо'), и из *cocatru* вылупится ужасная змея, опасная для всех» (Пуату); «Курицу, поющую петухом, тут же убивают. Это способ отвести несчастье, которое она таким образом предвещает» (Нормандия); «Курицу, которая поет петухом (*chante le jau*), немедленно зарезают. О женщине, говорящей чрезмерно мужским тоном, отчитывая своего мужа, шуточно говорят: она свернет себе шею, уж слишком петухом поет» (Берри) [Rolland, 85–86]¹³.

Таким образом, в фольклоре и верованиях курица и сорока (*Margot*) могут выступать в качестве символа «неправильного» женского поведения: они «склонны» верховодить в доме, побивать своих «мужей» (*Jacques*), меняясь с ними гендерными ролями, что предвещает беду. В этом смысле петух (сойка) может оказаться «подкаблучником» или, в символическом плане, «ненастоящим» самцом,

¹² «Правильный» стереотип женского поведения зафиксирован в поговорках типа гаск. *N'as pas à parla soumque quan éras garies pichen* <Будешь говорить, только когда курицы будут мочиться> и фр. *Femme à son tour doit parler quand la poule va uriner* <В свою очередь, женщина должна говорить, когда курица пойдет мочиться (т. е. никогда. — Д. С.)> [Cordier, 69].

¹³ Смерть предвещает также «неправильный» петух, т. е. петух, поющий невпопад — не утром, а в любое время, особенно вечером до полуночи [Sébillot, 1886, 151]. Ср. поверье, существовавшее в Бельгии: «В Кампин (la Samprine) рассказывают о загадочных черных петухах, которые в ночь Дня душ (1 ноября — Д. С.) прилетают, чтобы три раза прокричать на крыше дома, хозяин которого должен умереть через год и один день» [Reinsberg-Düringsfeld, 188].

а способность громко кричать — амбивалентным качеством (мужским, которое, будучи присвоено женщиной-курицей, легко оборачивается болтливостью — качеством исключительно женским).

Фольклорные данные указывают на функциональную эквивалентность пар сойка — сорока, петух — курица, Жак — Марго, что позволяет предполагать наличие собственно языковых регулярных корреляций между соответствующими единицами рассматриваемого морфосемантического поля. И хотя «регулярная корреляция» не значит «системная» (обязательная), она, тем не менее, может актуализироваться на периферии коннотативной семантики «притягиваемого» онима. В нашем случае эта периферия обогащается представлением о «двуполости» или, точнее, «половой неопределенности» кричащей/болтливой птицы. И если «болтливость»/«крикливость» в коннотативной семантике онима *Jacques* связана с семой глупости, актуализированной в отантропонимическом деривате (ср. параллелизм *jacques* ‘петух; дурак’ — *jacasse* ‘сорока; болтливая женщина’), то в признаке «половой неопределенности» можно видеть своего рода символический вариант этого качества (что подтверждается данными фольклора).

Как уже отмечалось, периферийный характер коннотаций накладывает существенные ограничения на их актуализацию в синхронии. Однако эти ограничения становятся своего рода ориентирами, облегчающими диахронический (лингвогенетический) анализ интересующего нас компонента семантики, так как указывают на лингвогеографические и хронологические условия ее возникновения. В нашем случае учет ограничений на актуализацию рассматриваемого компонента семантики в синхронии позволяет сделать следующие выводы лингвогенетического порядка:

1. Контаминация единиц рассматриваемого морфосемантического поля с антропонимом *Jacques* (и, следовательно, возникновение предпосылок для актуализации в семантике онима семы «болтливости», «крикливости»), по всей видимости, относится к концу мерovingской эпохи (VII–VIII вв.), когда народно-латинское имя *Jacobus* уже могло обнаружить аттракционные связи с лексикой этимологических гнезд **gal*, **gak* в силу того, что в это время на севере Галлии (за исключением Пикардии и некоторых районов Нормандии) происходит палатализация начального лат. *ga-*: *ga* > *gja* > *ja* > *dja/dža* [Bourciez, 161; Широкова, 174–175]. Этот переход, очевидно, сопровождался относительно длительным периодом сосуществования разных вариантов начального согласного с последующим сохранением в протофранцузской зоне варианта *dža-*, который около XIII в. упростился в *ža-* (ср. ст.-фр. *Jal* < *gallus*, хотя на остальной территории Романии повсеместно сохранилось *ga-*: итал. *gallo*, фриул. *gal*, пров. *gal*, катал. *gall*, исп., порт. *gallo* и т. д. [Meyer-Lübcke, 274]).

2. Формирование ядра этого морфо-семантического поля относится к латинскому суперстрату в силу фонетической близости лат. *gallus* — *gaius*: лат. *gaius* = нар.-лат. **gaccus* > фр. *jac* ‘сойка’ → фр. *jac* ‘петух’ (под влиянием

аттракции *jal — jac*). К позднелатинскому периоду можно отнести функциональную эквивалентность пар *gaius* ‘сойка’ — *gaia* ‘сорока’ || *gallus* ‘петух’ — *gallina* ‘курица’.

3. Актуализация рассматриваемого здесь компонента коннотативной семантики онима в современном французском языке имеет весьма неравномерный характер. В литературной традиции *Jacques* обнаруживает паронимические параллели с некоторыми глаголами речевой деятельности (*jacasser, jaser*) и деонимом *jacquot (jaco)* ‘серый попугай’, что привносит в его этнокультурный образ характеристику «болтливости». Развитие этой семы (т. е. установление зависимости между болтливостью и «половой неопределенностью») наиболее вероятно в диалектах, где актуализируется «полная» цепочка аттракции *Jacques — jak (ja, jai) — jal (ja, jai) — geai*. Приведенные данные показывают, что наиболее продуктивными в этом смысле могли быть диалекты северо-восточных областей Франции.

Итак, исследование периферийных коннотаций онима, возникающих в результате совпадения фонетической формы ИС и ИН, неизбежно сталкивается с проблемой верификации соответствующих значений. Трудность заключается в том, что эти значения являются менее системными, нежели ядерные компоненты семантики, но все же регулярными. Регулярность (теперь мы можем сформулировать это более четко) есть контекстная (т. е. возникающая лишь при определенных условиях) воспроизводимость соответствующих семантических связей — при этом под контекстом надо понимать не только языковые условия (например, близость форм, которая может варьировать от диалекта к диалекту), но и релевантность определенных фольклорно-мифологических представлений, на фоне которых искомая семантическая связь может обнаружить свою воспроизводимость.

-
- Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М., 2007.
Гридина Т. А. Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989.
Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
Лысова Е. В. Орнитонимия русского севера : дисс. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2002.
Родионова И. В. К изучению процесса аттракции с участием отантропонимических дериватов (на материале русских народных говоров) // Этимология. 2003–2005. М., 2007. С. 197–209.
Родионова И. В., Феоктистова Л. А. Материалы к Словарю отантропонимических дериватов в русских народных говорах (рукопись).
Толстая С. М. К понятиям апеллативизации и онимизации // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 24–27.

- Толстой Н. И., Толстая С. М.* Народная этимология и этимологическая магия // Н. И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 317–332.
- Феоктистова Л. А.* Дериваты личного имени и его семантика (на материале русского и польского языков) // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна : тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. С. Б. Бернштейна (15–17 марта 2011, Москва). М., 2011. С. 239–241.
- Широкова А. В.* От латыни к романским языкам. М., 2005.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.
- Adam L.* Les patois lorrains. Paris : Grosjean-Maupin ; Nancy : Maisonneuve et Cie, 1881.
- ALF — Gilliéron J., Edmont E.* Table de l'Atlas linguistique de la France. Paris : Librairie H. Champion, 1912.
- Bourciez E.* Précis historique de phonétique française. Paris : Librairie S. Klincksieck, 1921.
- Brachet A.* Vocabulaire tourangeau // Romania. T. I (1872). P. 88–91.
- Bridel D.* Glossaire du patois de la Suisse romande. Lausanne : Georges Bridel, 1866.
- Buffon G.-L. L.* Histoire naturelle des oiseaux. T. 6. Paris : Imprimerie royale, 1779.
- Burgaud Des Marets H.* Glossaire du patois rochelais suivi d'une liste des expressions vicieuses usitées à La Rochelle recueillies en 1780 par M***. Paris : Librairie de Firmin Didot Frères, Fils et Co, 1861.
- Chalons P.* Dictionnaire breton-français du dialecte de Vannes. Rennes : J. Plihon et L. Hervé, 1895.
- Chapiseau F.* Le folklore de la Beauce et du Perche. T. 2. Paris : J. Maisonneuve, 1902.
- Corblet J.* Glossaire étymologique et comparatif du patois picard, ancien et moderne, précédé de recherches philologiques et littéraires sur ce dialecte. Paris : Dumoulin, V. Didron, Techener, 1851.
- Cordier E.* Etudes sur le dialecte du Lavedan. Bagnères: Imprimerie J. Casenave, 1878.
- DAF — *Greimas A.-J.* Dictionnaire de l'ancien français. Paris : Larousse, 1999.
- Dauzat A.* Glossaire étymologique du patois de Vinzelles. Montpellier : Société des langues romanes, 1915.
- Dottin G.* Glossaire du parler du Bas-Maine (Département de la Mayenne). Paris : H. Welter, 1899.
- Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris : Klincksieck, 2001.
- Duméril E. et A.* Dictionnaire du patois normand. Caen : B. Mancel, 1849.
- Forbes A. R.* Gaelic names of beasts (mammalia), birds, fishes, insects, reptiles etc. Edinburgh : Oliver and Boyd, 1905.
- Gaidoz H.* Le mariage en mai // Mélusine. Recueil de mythologie, littérature populaire, traditions & usages. T. 7 (1894–1895). P. 105–111.
- Ledieu A.* Petit glossaire du patois de Démuin. Paris : Alphonse Picard, 1843.
- Legrand P.* Dictionnaire du patois de Lille. Lille : V. Vanackere, 1856.
- Matasović R.* Etymological dictionary of Proto-Celtic. Leiden : Brill, 2009.
- Meyer-Lübcke W.* Romanisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1911.
- Mignard* Vocabulaire raisonné et comparé du dialecte et du patois de la province de Bourgogne, ou Etude de l'histoire et des moeurs de cette province d'après son langage. Paris : Aubri; Dijon : Lamarche, 1870.
- Moisy H.* Dictionnaire du patois normand indiquant régulièrement tous les termes de ce patois en usage de la région centrale de la Normandie pour servir à l'histoire de la langue française. Caen : H. Delesque, 1887.
- Nigra C.* Notes étymologiques et lexicales // Romania T. 31 (1902). P. 499–526.
- Puitspelu N. du* Dictionnaire étymologique du patois lyonnais. Lyon : Librairie générale Henri Georg, 1887.

- Reinsberg-Düringsfeld, baron de*, Traditions et légendes de la Belgique : Descriptions des fêtes religieuses et civiles, usages, croyances et pratiques populaires des Belges anciens et modernes. T. 2. Ferdinand Claassen, Libraire-Éditeur, 1870 [Édition électronique, 2005].
- Rolland E.* Faune populaire de la France. T. VI : Les oiseaux domestiques et la fauconnerie : Noms vulgaires, dictons, proverbes, légendes, contes et superstitions. Paris : Maisonneuve & Cie, 1883.
- Sauve L. F.* Le folklore des Hautes-Vosges. Paris : Maisonneuve et Ch. Leclerc, 1889.
- Sébillot P.* Coutumes populaires de la Haute-Bretagne. Paris : Maisonneuve Frères et Ch. Leclerc, 1886.
- Sébillot P.* Folklore de France. T. 3 : La faune et la flore. Paris : E. Guilmoto, 1906.
- Sébillot P.* Littérature orale de l'Auvergne. Paris : J. Maisonneuve, 1898.
- Tarbé P.* Recherches sur l'histoire du langage et du patois de Champagne. T. 2 : Glossaire de Champagne ancien et moderne. Reims : Imp. de P. Regnier, 1851.
- Thomas A.* Le *Laterculus* de Polemius Silvius et le vocabulaire zoologique roman // Romania. T. 35 (1906). P. 161–197.
- TLFi — Le Trésor de la langue française informatisé / ATILF [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://atilf.atilf.fr/tlf.html>.
- Trébuq S.* La chanson populaire et la vie rurale des Pyrénées à la Vendée. T. 1 : Physionomie de la chanson populaire et de la vie rurale. Bordeaux : Feret et Fils, 1912.
- Vasnier L.-F.* Petit dictionnaire du patois normand en usage dans l'arrondissement Pont-Audemer. Rouen : A. Lebrument, 1862.
- Verrier A.-J., Onillon R.* Glossaire étymologique et historique des patois et des parlers de l'Anjou. Vol. I–II. Angers : Germain & G. Grassin, 1908.
- Weekley E.* A Concise Etymological Dictionary Of Modern English. N. Y. : E. P. Dutton and C^o, 1924.

Рукопись поступила в редакцию 21.09.2010 г.